
Концепция «узкого коридора»: история и современность

Рецензия на книгу: Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021)

Узкий коридор. М.: АСТ.

Е.В. БАЛАЦКИЙ*

***Евгений Всеволодович Балацкий** – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ РАН), Москва, Россия, evbalatsky@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3371-2229>

Цитирование: Балацкий Е.В. (2023) Концепция «узкого коридора»: история и современность // Мир России. Т. 32. № 3. С. 180–195. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-3-180-195

Аннотация

Статья посвящена обсуждению книги Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона «Узкий коридор», которая представляет собой своеобразное теоретическое обоснование примата демократических институтов в деле построения прогрессивного общества и государства всеобщего благосостояния. Помимо структурного представления концепции «узкого коридора» в статье уделено внимание логическим противоречиям внутри этой теории, которая не может объяснить сформулированный парадокс Цицерона, когда на определенном историческом этапе самая совершенная смешанная институциональная конфигурация государственного правления – республика – заменяется самой примитивной чистой формой – империей. Обсуждаются теоретические тезисы и современные исторические факты, которые игнорирует концепция «узкого коридора». Обосновывается, что анализируемая новая концепция является одной из последних попыток построения всеобъемлющих монокаузальных теорий.

Ключевые слова: «узкий коридор», политическое равновесие, институты, экономический рост, власть

Введение: новый бестселлер от культовых авторов

В 2019 г. вышла очередная книга Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона, которая сразу же стала очередным бестселлером [*Acemoglu, Robinson* 2019]. В 2021 г.

Статья поступила в редакцию в апреле 2023 г.

эта книга увидела свет и на русском языке [Аджемоглу, Робинсон 2021], что делает уже совсем невозможным обойти этот факт молчанием.

Интерес к новой книге авторов связан со многими обстоятельствами. Во-первых, эта книга является продолжением, углублением и уточнением предыдущей книги «Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты» [Аджемоглу, Робинсон 2015], которая в свою очередь имела ошеломляющий успех. Достаточно напомнить, что после выхода первого бестселлера в научную терминологию прочно вошли такие понятия, как инклюзивные и экстрактивные институты. Во-вторых, имена авторов также вносят свой вклад в подогрев интереса к книге – Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон относятся к академической элите западного научного мейнстрима, обладают потрясающей публикационной активностью, популярностью и цитируемостью. Их фамилии связаны с самыми престижными университетами США и Великобритании, а Д. Аджемоглу, помимо прочего, публикует гигантское число статей в соавторстве с коллегами со всего мира на самые разнообразные темы. В-третьих, характер построения книги не может оставить читателя равнодушным. Авторы используют метод стилизованных примеров на основе материала из мировой истории, что делает все теоретические тезисы максимально понятными, яркими, интересными и убедительными.

Сказанного достаточно, чтобы вывести «Узкий коридор» на первые позиции книжных полок, однако есть еще два обстоятельства, которые оправдывают особо пристальное внимание к ней. Во-первых, эта книга все-таки не смогла превзойти успех предыдущей (по крайней мере, в России), хотя в содержательном отношении и тонкости аналитических построений она затмевает первый бестселлер и уж совершенно точно не уступает ему. Во-вторых, после выхода в свет «Узкого коридора» прошло почти четыре «ревущих» года, в течение которых мир радикально изменился, что поставило под вопрос многие выводы авторов. Начавшаяся с 2022 г. активная деглобализация мировой экономики с явной потерей Соединенными Штатами своих геополитических позиций требует более тщательного изучения теоретической концепции Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона и, может быть, даже радикального пересмотра ее некоторых положений. Этими фактами и обусловлены последующие аналитические реминисценции автора статьи в адрес анонсированной книги.

Концепция «узкого коридора»: структурная схема

С самого начала оговоримся, что концепция «узкого коридора» является крайне простой и прозрачной, чем и привлекает внимание любого читателя. Если политический процесс отобразить в виде структурно-логической схемы, то каркас концепции «узкого коридора» можно представить на *рисунке 1*, на котором обозначены два уровня генезиса современного государства.

На первом уровне происходит два взаимосвязанных процесса – относительно автономный генезис масс и элит и взаимодействие масс и элит. В данном случае под *элитами* понимается группа лиц, осуществляющих государственное управление в широком смысле слова, а под *массами* – население государства.

Иными словами, весь политический процесс сводится к взаимодействию и взаимной борьбе элит и масс с неким итоговым результатом в пользу той или иной стороны. Предварительно элиты и массы проходят *этап кристаллизации*. Массы развиваются по пути формирования самосознания посредством создающихся для этих целей общественных институтов, что на выходе дает общество с определенным уровнем организованности. Элиты также эволюционируют по пути осмысления всей политической системы и своего места в ней посредством создаваемых административных государственных институтов, что и формирует политическую элиту со своими этикой и мировоззрением. Одновременно с этим для элит имеет огромное значение *воля к власти*, которая выступает в качестве драйвера самого стремления людей к переформатированию общества с целью получения высших позиций в политической и экономической иерархии [Аджемоглу, Робинсон 2021, с. 53]. Параллельно взаимодействие элит и масс происходит в рамках исходной заданной *клетки норм* в виде традиций и принципов поведения обеих политических групп. В итоге уровень организованности масс и элит в совокупности с клеткой норм вырабатывают ту или иную модель государственной власти в зависимости от соотношения сил двух политических групп.

На втором уровне происходит кристаллизация государственной власти в виде одной из трех возможных моделей. Следуя традиции Томаса Гоббса, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон для характеристики государства и государственной власти используют метафору Левиафана – некоего гигантского морского чудовища, пожирающего все живое, то есть подавляющего все свободолюбивые порывы людей. Случай, когда элиты возобладали в политической борьбе и построили то самое легендарное государство-чудовище, получает название *Деспотического Левиафана* (ДЛ); если победа в политическом противостоянии осталась за массами, то полноценное государство в такой ситуации невозможно и мы имеем дело с *Отсутствующим Левиафаном* (ОТЛ); если же элиты и массы оказались равными по силе, то имеет место политическое равновесие с эффективным демократическим государством с присущими ему сдержками и противовесами – *Обузданным Левиафаном* (ОБЛ). Соответственно режиму Деспотического Левиафана соответствует тирания, Отсутствующему Левиафану – анархия, а Обузданному Левиафану – демократия.

Уже в этой точке авторы концепции делают недвусмысленный оценочный вывод о том, что демократия – это лучшая форма правления, а все формы проявления диктатуры и анархии – нежелательны и даже недопустимы. И авторы расшифровывают свои симпатии и антипатии: ОБЛ способен поддерживать долгосрочный экономический рост, тогда как при ДЛ он становится временным и хрупким, а при ОТЛ он вообще невозможен или ничтожно мал. В этой точке Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон весьма изящно сопрягают фундаментальные понятия *роста* и *равновесия*: как оказывается, достижение политического равновесия позволяет обеспечить устойчивый экономический рост, а отклонение от него ведет к нарушению режима роста вплоть до его полного исчезновения. Продолжая эту линию аналогий, можно говорить, что ДЛ в рафинированной форме выражает вертикальный механизм взаимодействия (власть), ОБЛ – горизонтальный (конкуренция и сотрудничество), ОТЛ – отсутствие устойчивых системных связей (война всех против всех).

В схеме политического процесса на *рисунке 1* самостоятельное значение имеет так называемая клетка норм, которая в концепции «узкого коридора»

олицетворяет фактор начальных условий. Например, если в исторически сформировавшейся клетке норм некоего сообщества изначально отсутствуют нормы рынка (конкурентные механизмы), то такое сообщество практически лишено шанса на построение полноценной государственности в форме ОБЛ [Аджемоглу, Робинсон 2021, с. 158].

Рисунок 1. Структурная схема политического процесса

Схема рисунка 1 позволяет сделать следующий шаг в формулировании концепции «узкого коридора». Для этого элиты, мощь которых выражена в государственном аппарате, и массы, сила которых проявляется в дееспособности общества, получают количественное выражение в двух показателях – силе государства и силе общества, которые задают вертикальную и горизонтальную оси на плоскости. Модель «узкого коридора» может быть представлена геометрически на рисунке 2. Под силой общества понимается его способность к мобилизации на борьбу за свои права, под силой государства – дееспособность государства в контексте обеспечения своих функций. Тогда на соответствующей плоскости можно графически отобразить эффективную зону («узкий коридор»), в которой реализуется режим ОБЛ; слева от него находится зона обитания ДЛ, справа – ареал ОТЛ. Линия до начала «узкого коридора» соответствует ситуации, когда государство и общество крайне слабы и неустойчивы.

Хотя *рисунок 2* представляет собой лишь дополнительную иллюстрацию схемы процесса *рисунка 1*, его значение настолько велико, что авторы книги сознательно дублируют приведенную схему пять раз, снабжая ее различными содержательными аранжировками [Аджемоглу, Робинсон 2021, с. 104, 399, 501, 545, 588].

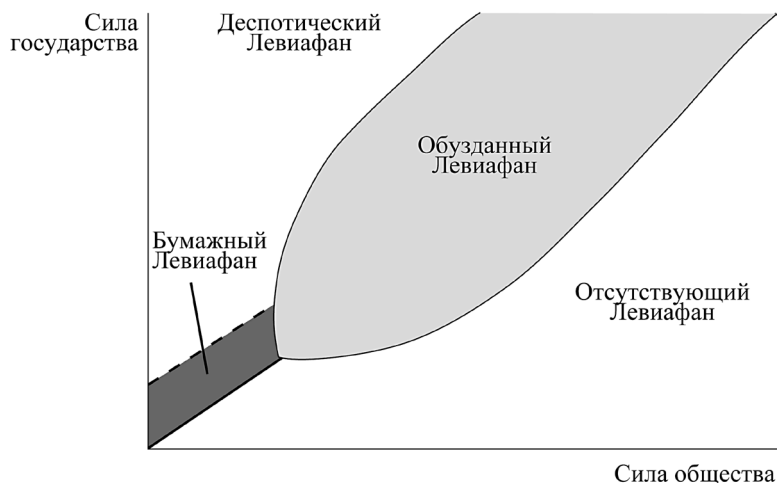
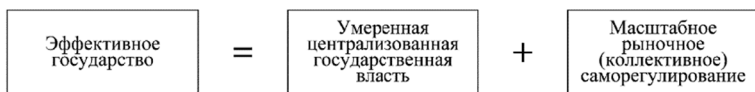

Рисунок 2. Структурная модель концепции «узкого коридора»

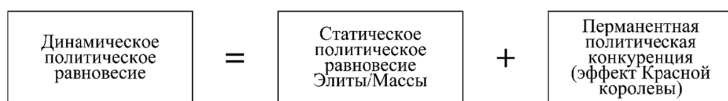
Можно сказать, что сила государства и элит, которые контролируют государство, отражают развитость вертикальных взаимодействий и степень централизации государственной власти, а сила общества – обширность горизонтальных (рыночных) взаимодействий и уровень самоорганизации населения. Неудивительно, что баланс между ними становится центральным пунктом концепции «узкого коридора». Однако для придания глубины своей теории Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон вводят еще один интересный социальный механизм, который они, опираясь на философскую метафору Льюиса Кэрролла, называют *эффектом Красной королевы*¹. Под указанным эффектом подразумевается «бег наперегонки» между государством и обществом [Аджемоглу, Робинсон 2021, с. 106], когда элиты и массы прикладывают непрекращающиеся усилия на пределе своих возможностей для сохранения политического статус-кво. Именно эффект Красной королевы и позволяет государству попасть в режим ОБЛ и остаться в нем. Фактически эффект Красной королевы выступает в качестве вечного двигателя политической конкуренции и, соответственно, социального и политического прогресса любой страны. По мнению Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, этот эффект преобразует саму природу институтов, когда государство становится более подотчетным своим гражданам и более чутко реагирует на их запросы. Кроме того, эффект Красной королевы разрушает исторически заданную клетку норм, увеличивая тем самым пространство личной свободы и допуская рядовых граждан к эффективному участию в политике.

¹ В русскоязычной литературе эффект Красной королевы называют эффектом Черной королевы; здесь и далее нами сохраняется авторская версия названия.

Концепция «узкого коридора» является вполне самодостаточной, но, помимо всего прочего, она дает нам еще ряд весьма красивых и справедливых теоретических формул. Например, одну из них можно назвать *формулой эффективного государства* и изобразить следующим образом:

В этой формуле в явном виде просматривается признание ценности центральной власти и рыночного саморегулирования, что не вызывает никаких критических контраргументов. Эту формулу можно переписать и непосредственно в терминах авторов концепции: эффективное государство = сильные элиты + сильное общество. Другую формулу можно назвать *формулой динамического равновесия*, которая выглядит так:

В этой конструкции хорошо видно место эффекта Красной королевы в общем политическом процессе; именно эта формула позволяет встроить введенный авторами эффект в общую теоретическую схему.

Согласно концепции «узкого коридора», все страны мира могут быть разделены на соответствующие группы. В первую группу с «правильными» институтами в рамках модели ОБЛ входят США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Япония, Южная Корея и большинство стран Западной Европы, во вторую с «неправильными» институтами модели ДЛ попадают государства с деспотическим правлением – Китай, Иран, Россия, Северная Корея и другие, в третьей группе почти никаких государств нет – может быть, Сомали и страны, открыто находящиеся в режиме гражданской войны. Для государств, не попавших в указанные три группы, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон вводят дополнительную дефиницию – *Бумажный Левиафан* (БЛ), под которым понимаются страны, где государственная власть слаба, непоследовательна и способна проявить себя лишь в ограниченных сферах жизни и на незначительной территории своей юрисдикции [Аджемоглу, Робинсон 2021, с. 471]. Примером таковых, по мнению Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, являются Аргентина и Колумбия, как впрочем и все остальные страны Латинской Америки и Африки. В полном соответствии с самим термином государства с режимом БЛ имеют лишь облик или видимость настоящих государств, тогда как на самом деле они таковыми не являются. Можно сказать, что это *недогосударства*, у которых в их нынешнем виде нет никаких цивилизационных перспектив. Разумеется, до тех пор, пока они не изменят свой институциональный режим на демократический.

Противоречия внутри концепции

Прежде чем начать разговор о недостатках концепции «узкого коридора», нельзя не отдать ей должное. Это действительно большой шаг по пути построения синтетического знания современной теории социального развития: в ней собраны институциональные, культурные, экономические и политические факторы, что придает теории необходимую универсальность; при объяснении удач и неудач в государственном строительстве разных стран делаются правильные акценты на механизме согласования политических и экономических детерминант, что дает вполне адекватную картину реальных процессов в первом приближении. Однако в концепции Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона имеются и слабые звенья, на которых остановимся более подробно.

Первое противоречие теории «узкого коридора» состоит в постулировании эффективных институтов в качестве главного элемента в построении эффективного государства, тогда как все примеры книги недвусмысленно демонстрируют, что приоритет в этом деле имеет фактор культуры. Более того, сами авторы это вроде бы прекрасно осознают. Например, они буквально скандируют, что система сдержек и противовесов в государстве сама по себе не решает «проблему Гильгамеша» (неограниченной деспотии), «потому что без бдительного общества, конституции и гарантии стоят не больше пергамента или бумаги, на которой они написаны» [Аджемоглу, Робинсон 2021, с. 12]. Тем самым авторы открыто заявляют, что если институты и выступают в качестве *необходимого* условия построения ОБЛ, то культура становится, по крайней мере, *достаточным* условием. Такая логика уравнивает два фактора и отрицает ведущую роль институтов. Немного позже они позволяют себе еще более двусмысленный пассаж: «Свободу нельзя насадить и упрочить с помощью разумной системы сдержек и противовесов. Она требует мобилизации общества, его бдительности и настойчивости. Для развития свободы необходимы все эти факторы сразу» [Аджемоглу, Робинсон 2021, с. 109]. Но само стремление к свободе представляет собой душевный порыв, отражающий глубинные особенности той или иной нации, следовательно, именно она дает первичный импульс к конструированию и отстаиванию демократических институтов.

Приведенные высказывания означают, что концепция «узкого коридора» приходит в противоречие с концепцией инклюзивных институтов, развитой авторами в их предыдущей книге [Аджемоглу, Робинсон 2015]. Если в первой книге они настаивают на первичности институционального фактора, то в нынешней работе они явно или неявно отказываются от примата институтов и отталкиваются от принципа эквивалентности значимости институтов и культуры. А это уже, строго говоря, другая теория! Фактически Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон отказались от *монокаузальной* концепции с институтами в качестве главной движущей силы общественного развития и перешли к *поликаузальной* концепции с равнозначными факторами – культурой и институтами.

Как следствие одновременного учета и игнорирования фактора культуры концепция «узкого коридора» дает неправильное понимание политических альтернатив при формировании государства. Авторы полагают, что большинство попыток построить укрощенного Левиафана заканчивается неудачей из-за того, что система скатывается к деспотии; источником этой асимметрии выступает врожденная

воля к власти у представителей элит. Однако это рассуждение основано на недоучете другого врожденного стремления, но только у представителей масс, – к свободе. Этот элемент на *рисунке 1* обозначен пунктиром, чтобы подчеркнуть, что он в явном виде в авторской схеме Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона не фигурирует, возникая лишь спорадически в контексте разных объяснений. На самом деле стремление к свободе является диалектическим противовесом воли к власти и действует не с меньшей, а, быть может, с большей силой, однако победа свободы приводит к анархии, распаду государства и его исчезновению из выборки стран для сравнения эффективности их политических режимов.

Сказанное имеет огромное значение именно для России. Дело в том, что все традиционные упреки западных исследователей в адрес деспотизма политических режимов России на протяжении всей ее истории совершенно лишены оснований. Как это ни парадоксально, но внятный ответ на этот вопрос еще в конце 1940-х гг. дал британский историк Арнольд Тойнби, который проницательно отметил, что с XIV в. «доминантой всех правящих режимов в России были самовластие и централизм» [Тойнби 2011, с. 254]. Абсолютно точный диагноз причины такого положения дел таков: «Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако, к несчастью, русские научились терпеть ее, частично просто по привычке, но и оттого, без всякого сомнения, что считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями» [Тойнби 2011, с. 254]. Тем самым А. Тойнби говорит, что гигантская территория России сама по себе провоцировала повышенные риски анархии с последующим распадом страны и ее завоевания соседями. Иными словами, естественное стремление людей к свободе в сложившихся обстоятельствах приходилось умерить в пользу централизации власти ради высшего блага – выживания народа. В данном случае мы видим совершенно иную причинно-следственную цепочку: география России генерировала повышенные риски анархии и возникновения ОТЛ, что и стимулировало терпимость к самовластию и построение высокоцентрализованных политических институтов. В данном примере теория Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона просто-напросто не работает.

Еще с одним противоречием внутри концепции «узкого коридора» мы встречаемся в приводимом авторами историческом примере, связанном с личностью Мухаммада ибн Аль-Ваххаба, который в буквальном смысле слова создал Саудовскую Аравию как государство. Все примеры и описания, перечисленные авторами книги, свидетельствуют, что роль этого человека действительно нельзя переоценить. Но тогда мы вновь сталкиваемся с тем, что именно арабская культура XVIII в., выражением которой и являлся Аль-Ваххаб, дала государственные институты страны, а не наоборот. И опять мы видим вторичность институционального фактора.

Еще более впечатляющими примерами роли культуры служат примеры относительно деятельности Солона в Древней Греции и средневековых итальянских городов-государств. Например, Солон, пришедший к власти архонта в 594 г. до н.э., осуществил удивительные по историческим меркам реформы, перестроив баланс сил между аристократией и простолюдинами и всю систему государственного контроля. Можно много говорить о деталях этой «специальной операции» Солона, но все они, как и сами исходные идеи, поражают воображение. Совершенно непостижимо, как в то время мог появиться человек, обладающий столь

невероятной политической проницательностью и волей, ибо его интеллектуальные качества не укладываются даже в современные рамки, которые, надо признать, существенно расширились за 2600 лет после реформ Солона. Сегодня можно лишь гадать о культурных основах таких удивительных событий, как появление в XVIII в. в пустыне Аравии человека с государственным умом Аль-Ваххаба и в VI в. до н.э. в карликовых полисах Эллады человека с политическим мышлением Солона. Все политические и экономические институты появляются благодаря именно им, а не наоборот, как это утверждают Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон.

В чем-то еще более невероятным представляется случай средневековых итальянских городов. Здесь прежде всего привлекает внимание феномен аллегории доброго правления, представленной на фресках Палаццо Пубблико (Palazzo Pubblico) работы Амброджо Лоренцетти (Ambrogio Lorenzetti), выполненными им в 1338–1339 гг. в Зале Девяти (Sala dei Nove) городской ратуши Сиены (Тоскана, Италия). Это, пожалуй, самая впечатляющая художественная манифестация глубинного смысла и философии общественного договора всех времен и народов вплоть до наших дней. Причем поражают уже не одиночные прозрения титанов истории, а воплощенный во фресках коллективный разум. Для того чтобы в грандиозном художественном творении каждая фигура, каждая деталь интерьера несли глубинное философское и аллегорическое содержание относительно феномена власти, нужна невероятная зрелость политического мышления всей средневековой цивилизации итальянских коммун. Для того чтобы все аллегорические образы сложились сначала в головах философов, а потом овладели сознанием художника и выплеснулись в виде фресок в официальном и одновременно культовом здании, в стенах которого принимались все политические решения города, нужна была поистине массовая и чрезвычайно высокая политическая культура. Вполне очевидно, что такая культура логично порождала соответствующие политические и экономические институты, но откуда взялась сама эта культура, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон умалчивают. И почему такое миропонимание возникло в западном мире, а не на Востоке?

Отдельного внимания заслуживает пример авторов книги, связанный с раскрытием генезиса механизма частно-государственного партнерства в США. Согласно их трактовке, Конституция страны не позволяла федеральному правительству устанавливать дополнительные налоговые отчисления, а потребности экономики страны требовали масштабного строительства инфраструктуры, в том числе железных дорог. Такая патовая ситуация была разрешена путем создания разнообразных схем частно-государственного партнерства. Однако в основе и Конституции, и принятого решения лежала давняя культурная традиция, заложенная еще на стадии образования страны. Именно эти изначальные ментальные установки по ограничению прав центрального правительства и предопределили все последующие организационные и институциональные инновации. В данном случае мы видим, как логика и идеология отцов-основателей США продолжали действовать даже на рубеже XIX и XX столетий. Напомним, что в институциональной теории подобные эффекты получили название *эффекта колеи*, а если его уточнить и использовать термины авторов, то речь идет не более чем о ментальной модели правящих элит.

Подведем некий предварительный итог: подавляющее большинство стилизованных примеров Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона доказывают, скорее, приоритет

культуры над институтами, чем обратное. Но тогда и сами институты становятся второстепенным, то есть рукотворным феноменом, что противоречит основному замыслу авторов. Возможно, что указанные противоречия можно было бы частично снять, если бы авторы изначально разделили формальные и неформальные институты, диалектика которых подробно рассмотрена в российской научной мысли [Барсукова 2009]. Тогда, например, клетка норм воспринималась бы как совокупность изначальных неформальных институтов, которые впоследствии либо переходят в формальные, либо преобразуются в иные поведенческие модели путем давления государственной власти. Однако Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон пренебрегли не только богатой российской традицией изучения проблем государственности, но и наработками своих западных предшественников.

Парадокс Цицерона остался без ответа

Тема книги подводит нас к тому, что есть правильные и неправильные политические институты, которые предопределяют дальнейший ход истории государства и его народа. Следовательно, надо спроектировать и реализовать правильную институциональную политическую конструкцию, чтобы в дальнейшем можно было обеспечить долговременный экономический рост, который в свою очередь выступит основой последующих усовершенствований институтов. Несмотря на то, что против такой логики трудно что-то возразить, жизнь показывает, что в ней чего-то не хватает.

Напомним, что идея об эффективности тех или иных политических институтов и о формах правления была осмыслена и реализована в Древнем Риме. Более того, тогда была выдвинута доктрина смешанных институциональных стратегий в политической сфере, которая в работе Марка Туллия Цицерона «О государстве» достигла своей кульминации [Цицерон 2021]. Так, еще греки выделяли три правильные чистые формы государственного правления: монархия – законная власть одного человека; аристократия – власть избранного совета; демократия – власть всего народа, соблюдающего собственные законы. Однако все они были несовершенны и тяготели к своим крайностям или отрицательным диалектическим противоположностям: монархия легко превращалась в деспотическое правление – тиранию, аристократия вырождалась в господство знатных или богатых – олигархию, а демократия скатывалась к господству толпы – охлократии [Бобровникова 2006, с. 346]. По мнению Цицерона, все эти элементы были идеально уравновешены в Римской республике, в которой власть распределялась между монархическим элементом, представленным ежегодно переизбираемыми народными консулами, аристократическим в лице сената и демократическим в форме народного собрания [Бобровникова 2006, с. 347]. Тем самым равновесие между тремя чистыми институтами власти достигалось в республиканской форме правления, представляющей собой смешанный институт [Балацкий 2015]. Однако даже эта уникальная конструкция со временем потеряла эффективность, когда внутри республиканской формы правления начали проявляться черты неправильных чистых институтов. В итоге республика стала смесью трех институциональных искажений, совмещая в себе волюнтаризм и коррупционность консулов, лоббирование

сенатом своих корыстных интересов и всплески насилия и деструктивности со стороны толпы (*таблица 1*). В конечном счете, пришедшая в упадок республика была заменена империей (то есть монархией, периодически переходящей в тиранию), которая на тот момент представляла собой явный шаг вперед. Возник своеобразный парадокс, когда самая эффективная и тонко настроенная форма государственной власти выродилась и потребовала замены на более примитивную и грубую. Учитывая, что главным апологетом республики был Цицерон, здесь и далее описанный эффект будем называть *парадоксом Цицерона*. В *таблице 1* процесс институциональной инверсии изображен схематично, когда прогрессивная Республика⁺, вобравшая в себя все плюсы правильных чистых институтов, переходит в регрессивную Республику⁻, аккумулировавшую все минусы институтов-антиподов.

Таблиц 1. Бинарные формы государственного правления

Правильные		Неправильные	
Республика ⁺	Монархия	Тирания	Республика ⁻
	Аристократия	Олигархия	
	Демократия	Охлократия	

Описанный парадокс Цицерона нуждается в системном объяснении, однако с помощью концепции «узкого коридора» сделать этого либо нельзя, либо это будут весьма примитивные пассажи. Это связано с тем, что даже допущение того, что на финише Римской республики что-то сломалось в механизме поддержания Красной королевы, ничего до конца не объясняет, а снова уводит вопрос в сторону культуры, ментальности римских элит и масс. Но главное состоит в другом: парадокс Цицерона демонстрирует тот факт, что некая культура может создать эффективные политические институты и в рамках этих институтов продеградировать до институционального примитивизма, от которого она уже давно ушла. Иными словами, институты ничего не решают, а это опять нонсенс для теории Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона. На таких исторических казусах авторы не останавливаются и не стараются объяснить подобного рода институциональные падения.

О чем умалчивает концепция «узкого коридора»?

Хотели авторы концепции «узкого коридора» или нет, но пафос их книги состоит в отстаивании тезиса об однозначном превосходстве западных институтов и западной модели государственности. Однако эта позиция основана на некоторой недосказанности, подмене понятий и игнорировании фактов. Рассмотрим только четыре пункта этого аспекта книги.

Во-первых, говоря о ДЛ, авторы исходят из представления о некоем абстрактном государстве и столь же абстрактном тиране, обуреваемом жадой

власти. Однако государство – это всего лишь государственная машина со всеми своими элементами, это лишь *инструмент насилия*. Субъектом власти является тот, в чьих руках находится этот инструмент, а в современном капиталистическом государстве «владельцем» государственного аппарата и хозяином чиновников выступают представители крупного капитала. Этот тезис может считаться общим местом и оспариванию не подлежит. Но тогда вопрос о том, кто же выступает в качестве того самого Левиафана, уже звучит по-другому. В этой связи В.А. Волконский совершенно справедливо отметил, что марксисты, воспользовавшиеся терминологией концепции «узкого коридора», назвали бы Левиафаном не государство как таковое, а слой крупнейших капиталистов, осуществляющих властный контроль и над государством, и над обществом [Volkonsky 2023, p. 46], с чем нельзя не согласиться. Следовательно, представителей корпорократии обуревают жажда власти и именно с их стороны идет давление на общество, а это является классовым противоречием, и Левиафаном выступает крупнейший бизнес страны. Если в Китае государственная власть находится в руках представителей Коммунистической партии, то именно она оказывается в роли Левиафана. Но тогда в разных странах Левиафанами являются совершенно разные субъекты с разными ценностями и ментальными установками, что и вуалирует теория Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона.

Во-вторых, концепция «узкого коридора» игнорирует существующее во все времена геополитическое противостояние государств. Это означает, что в рамках некоей страны местные элиты и массы ведут свою борьбу друг с другом и в этой политической игре им никто не мешает. Однако это не так. Даже опыт всех постсоветских стран убедительно показал, что после 1991 г. все они оказались под внешним управлением действующего гегемона – США – и превратились в расходный материал в борьбе более крупных игроков. То есть институциональное строительство в стране проходит не в тепличных условиях, а под тяжелейшим гнетом со стороны геополитических соперников, цель которых состоит в создании помех на пути развития рассматриваемой страны. В таких обстоятельствах институты не просто *создаются внутри* страны, а еще и *навязываются извне*, а это уже совсем другой политический процесс. Даже воля к власти и стремление к свободе в этом случае претерпевают такие серьезные искажения, что поиск политического равновесия превращается еще и в процесс отстаивания национального суверенитета в условиях гибридной войны. Можно сказать, что реформирование институтов происходит на фоне смены циклов накопления капитала [Arrighi 2006]. Этот аспект очень сильно ослабляет каноническую аргументацию теории Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона. Вопреки их мнению, «коридор», создаваемый глобализацией, не расширяется, а сужается [Аджемоглу, Робинсон 2021, с. 616].

В-третьих, вся фактура книги Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона не учитывает события последних трех лет, которые внесли кардинальные корректировки в наши взгляды на мир. Например, как объяснить, что в США многовековая политическая конкуренция республиканской и демократической партий в 2020 г. сменилась политической монополией демократов? Как дошло до того, что информационные сообщения действующего президента в Твиттере блокировались во время президентских выборов? О чем в этом случае следует говорить – о силе или слабости американского государства? Почему толпе было позволено крушить памятники отцов-основателей Америки и куда смотрели правоохранительные органы?

И почему в США начиная с 2023 г. прокатилась волна непрекращающихся техногенных катастроф? Эти и многие другие вопросы, равно как и спровоцировавшие их события, свидетельствуют об институциональном кризисе американской демократии и западных институтов. Но тогда получается, что самое могущественное государство в мире с самыми совершенными политическими институтами все-таки допустило сбой в механизме Красной королевы? Или неоднородность элит, от которой авторы отмахнулись на страницах своей книги, все-таки оказались столь значимым фактором, что теперь надо перекраивать всю концепцию «узкого коридора»? В своей книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон объяснили, что у США есть встроенные механизмы против эффекта «скользящего склона», когда общество скатывается к тоталитаризму [Аджемоглу, Робинсон 2021, с. 94]. И вот оказывается, что эта схема встроенных стабилизаторов не работает. А может быть, любые демократические институты подвержены естественной эрозии и со временем утрачивают свою эффективность? И США не являются исключением из правила? И, наконец, почему экономико-политическая система США до сих пор вполне исправно работает, невзирая на то, что пост президента страны занимает престарелый человек с прогрессирующей деменцией? Что удерживает систему от катастрофического краха при столь неэффективной верховной власти? На эти острые вопросы концепция «узкого коридора» ответов не дает.

В-четвертых, само понятие эффективных политических и экономических институтов в книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона не учитывает фактор политического суверенитета. Однако именно этот фактор может полностью поменять все выводы. Например, сегодня уже опубликованы исследования, показывающие, что среди всех стран мира имеется кластер из семи государств (Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия, Швейцария и Нидерланды), которые занимают первые места по индексу удовлетворенности жизнью (индексу счастья) и одновременно являются лидерами по интегральному индексу качества жизни, уровня гражданской культуры и эффективности институтов, при этом отставание США от Семерки по всем значимым показателям со временем только увеличивается [Polterovich 2022a]. Тщательный анализ природы успеха названных государств демонстрирует, что достижения Семерки основаны на *коллаборативных преимуществах*, под которыми понимается доминирование механизмов сотрудничества в экономической, социальной и политической сферах [Polterovich 2022b]. Тем не менее, события 2023 г. показали, что европейские страны превратились в марионеточные режимы и действуют под диктовку США даже в ущерб собственным интересам. Тогда возникает вопрос: какой смысл в их коллаборативности и институциональной эффективности, если они не могут самостоятельно принимать политические решения? Не является ли в этом случае институциональная эффективность платой за послушание мировому гегемону? Эти вопросы в концепции «узкого коридора» даже не поднимаются.

Мы не вправе подозревать авторов книги в преднамеренном искажении или умалчивании важной информации. Возможно, это лишь следствие априорных идеологических установок представителей академического сообщества США. Вместе с тем мы должны признать, что четыре указанные пункта являются важными элементами для тестирования новой концепции на прикладную состоятельность. И пока этот тест не пройден.

Заключение: на пути к поликаузальным концепциям

Было бы неверно отрицать положительные достижения концепции «узкого коридора». Вероятно, в качестве некоего первого приближения к описанию политической конкуренции она вполне годится. Крайне опрометчиво было бы отказываться от удачных понятий, терминов и метафор новой теории – они могут быть полезны. Но следует признать и другое: концепция «узкого коридора» не обладает необходимым уровнем универсальности.

Очередная попытка Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона построить *социальную теорию всего* если и не закончилась неудачей, то и триумфом тоже не может считаться. В то же время большая работа по написанию рассматриваемой книги была проделана не зря. По сравнению с первой эта книга в гораздо меньшей степени опирается на примат институтов в политическом строительстве, но и этого послабления оказалось недостаточно. Теперь как никогда ранее стало ясно – никакие *монокаузальные* построения не способны адекватно объяснить эволюцию общества. Есть основания полагать, что концепция «узкого коридора» станет одной из последних, если не последней, попыток создания всеобъемлющих простых теорий социального развития. В российской науке уже сделаны первые попытки построения *поликаузальных* концепций такого рода [Полтерович 2018; Balatsky 2021]. По всей видимости, в рамках этого направления и будут осуществляться дальнейшие усовершенствования наших представлений о законах социального развития. Скорее всего, в эти синтетические концепты будет интегрирована и теория «узкого коридора».

Список источников

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015) Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021) Узкий коридор. М.: АСТ.
- Арриги Дж. (2006) Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего.
- Балацкий Е.В. (2015) Институциональные факторы экономического роста // Мир России. № 2. С. 177–188 // <https://mirros.hse.ru/article/view/4939/5304>, дата обращения 10.04.2023.
- Барсукова С.Ю. (2009) Неформальная экономика. Курс лекций: Учебное пособие. М.: ВШЭ.
- Бобровникова Т.А. (2006) Цицерон: Интеллигент в дни революции. М.: Молодая гвардия.
- Полтерович В.М. (2018) К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. № 12. С. 77–102. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-12-77-102
- Тойнби А.Дж. (2011) Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ, Астрель.
- Цицерон М.Т. (2021) Ораторское искусство: Хрестоматия. М.: АСТ.
- Acemoglu D., Robinson J. (2019) The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty, Penguin Books.
- Balatsky E.V. (2021) Polycausal Concept of Social Evolution // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, vol. 14, no 6, pp. 49–69. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.3
- Polterovich V.M. (2022a) Competition, Collaboration, and Life Satisfaction. Part 1. The Seven of European Leaders // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, vol. 15, no 2, pp. 31–43. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.2

- Polterovich V.M. (2022b) Competition, Collaboration, and Life Satisfaction. Part 2. The Fundament of Leadership – Collaborative Advantage // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, vol. 15, no 3, pp. 42–57. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.2
- Volkonsky V.A. (2023) The Logic of Withstanding Between Civilizational Poles // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, vol. 16, no 1, pp. 35–54. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.2

The Narrow Corridor Concept: History and Modernity

Book review: Acemoglu D., Robinson J.A. (2021) The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty, Moscow: AST (in Russian).

E.V. BALATSKY*

***Evgeny V. Balatsky** – DSc in Economics, Professor, Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, evbalatsky@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3371-2229>

Citation: Balatsky E.V. (2023) The Narrow Corridor Concept: History and Modernity. *Mir Rossii*, vol. 32, no 3, pp. 180–195 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-3-180-195

Abstract

This article is dedicated to the discussion of Daron Acemoglu and James Robinson's book "The Narrow Corridor", which presents a distinctive theoretical justification of the primacy of democratic institutions in constructing a progressive society and universal welfare. In addition to providing a structural representation of the concept of the narrow corridor, the article addresses the logical contradictions within the concept itself. Specifically, it demonstrates that the new theory cannot explain the Cicero Paradox, where at a certain historical stage, the most advanced mixed institutional configuration of state governance—the republic—is replaced by the most primitive pure form—the empire. The article argues that Acemoglu and Robinson's lack of distinction between formal and informal institutions in their concept of the narrow corridor leads to numerous logical collisions in their worldview. Theoretical theses and contemporary historical facts ignored by the narrow corridor are discussed. Firstly, the authors assume an abstract state in the form of a Despotic Leviathan and an equally abstract tyrant driven by a thirst for power, whereas in reality, the state is merely an apparatus with all its elements, an instrument of violence; the subject of power is the one holding this instrument, giving rise to a broad, unaccounted spectrum of interpretations of despotism. Secondly, the narrow corridor disregards the perpetual geopolitical confrontation of states and the fact that institutional building in a country does not occur in a vacuum but under the oppression of geopolitical rivals whose aim is to create obstacles to the development of the country in question. Thirdly, the entire texture of Acemoglu and Robinson's book neglects events from the past three to four years which have brought significant adjustments to our views of the world, such as the replacement of centuries-old political competition between the Republican and Democratic parties in the US with the political monopoly of the Democrats; the desecration of monuments to the founding fathers of America during the 2020 US presidential election, and so on. Fourthly, the very notion

This article was received in April 2023.

of effective political and economic institutions in Acemoglu and Robinson's book does not consider political sovereignty, where the institutional efficiency of puppet states serves as a peculiar form of tribute to the global hegemon. The article argues that the new concept represents one of the latest attempts to construct comprehensive monocausal theories.

Keywords: narrow corridor, political equilibrium, institutions, economic growth, power

References

- Acemoglu D., Robinson J.A. (2015) *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*, Moscow: AST (in Russian).
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2019) *The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty*, Penguin Books.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2021) *The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty*, Moscow: AST (in Russian).
- Arrighi G. (2006) *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*, Moscow: Territory of the future (in Russian).
- Balatsky E.V. (2015) Institutional Factors of Economic Growth. *Mir Rossii*, vol. 24, no 2, pp. 177–188. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/4939/5304>, accessed 10.04.2023 (in Russian).
- Balatsky E.V. (2021) Polycasual Concept of Social Evolution. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 14, no 6, pp. 49–69. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.3
- Barsukova S.Yu. (2009) *Informal Economy. Course of Lectures: Manual*, Moscow: HSE (in Russian).
- Bobrovnikova T.A. (2006) *Cicero: An Intellectual in the Days of the Revolution*, Moscow: Young Guard (in Russian).
- Cicero M.T. (2021) *Oratorical Art: A Textbook*, Moscow: AST (in Russian).
- Polterovich V.M. (2018) To the General Theory of Socio-economic Development. Part 2. Evolution of Coordination Mechanisms. *Voprosi Ekonomiki*, no 12, pp. 77–102 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2018-12-77-102
- Polterovich V.M. (2022a) Competition, Collaboration, and Life Satisfaction. Part 1. The Seven of European Leaders. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 15, no 2, pp. 31–43. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.2
- Polterovich V.M. (2022b) Competition, Collaboration, and Life Satisfaction. Part 2. The Fundament of Leadership – Collaborative Advantage. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 15, no 3, pp. 42–57. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.2
- Toynbee A.J. (2011) *Civilization before the Court of History. The World and the West*, Moscow: ACT, Astrel (in Russian).
- Volkonsky V.A. (2023) The Logic of Withstanding Between Civilizational Poles. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 16, no 1, pp. 35–54. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.2